

Министерство просвещения Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра профессионально-ориентированного
языкового образования

С. М. Тиллоева

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В АСПЕКТЕ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
СПЕЦИФИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
РУССКОГО И ПЕРСИДСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

Монография

Екатеринбург 2020

УДК 811.222.1'37:811.161.1'37
ББК Ш105.31+Ш104
Т40

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве *научного* издания (Решение № 86 от 14.12.2020)

Научный редактор: ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук С. Д. Холматова (отдел словарей Института языка и литературы им. А. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан)

Рецензент:

Е. В. Чусовитина, доцент кафедры иностранных языков (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Тиллоева, С. М.

Т40 Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики (на материале эмотивной лексики русского и персидского языков) : монография / С. М. Тиллоева ; Уральский государственный педагогический университет. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.] 2020. – 1 CD-ROM. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7186-1737-5

В работе демонстрируется, что значение слова является относительно самостоятельной величиной, характеризуемой не только постоянной связью с другими словами и зависимостью от всей лексико-семантической системы языка, но и обладающей определенной «субстанцией» вне контекста.

УДК 811.222.1'37:811.161.1'37
ББК Ш105.31+Ш104

ISBN 978-5-7186-1737-5

© Тиллоева С. М., 2020
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Исследование эмоциональных концептов с точки зрения когнитивной лингвистики.....	6
ГЛАВА 2. Национально-культурная специфика эмоциональной лексики в русском и персидском языках.....	14
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	28
БИБЛИОГРАФИЯ.....	32

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Разумеется, все национально-специфичные языковые модели имеют и общие, универсальные черты).

Система языка является средством представления, а тем самым и членения мира, континуум в действительности, которая существует независимо от нашего восприятия. Отражение действительности человеческим сознанием происходит на базе языка, а в каждом конкретном случае – того или иного языка. В процессе отражения язык накладывает на континуум действительности сетку системы, представляет этот континуум через призму своего строения. В силу того, что системы разных языков не совпадают друг с другом, в каждом отдельном языке обнаруживаются особенности представления действительности, обусловленные особенностями строения языка. Поскольку каждый язык отражает весь континуум действительности (имеет средства для его отражения),

способ членения этого континуума не может зависеть от строения системы.

Исследование семантических изменений, происходящих в лексической системе сопоставительных языков, подтверждает, что в семантической структуре слов объективно могут быть выделены отдельные элементы, которые и составляют в совокупности лексическое значение слова. Но для правильного их выделения необходимо определение как характера этих элементов, так и тех соотношений, в которых они находятся.

ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В лингвистике и психолингвистике за последние десятилетия уже сложилась традиция изучения отражения национально-культурной специфики в языке и речевой деятельности. В большинстве случаев такого рода исследования касаются лексики различных языков.

Так, Н. Л. Шамне выделяет два аспекта изучения национальной специфики семантики лексической единицы: первый аспект связан с выделением национально-специфической семемы (семем) в семантической структуре слова, причем данная семема рассматривается как безэквивалентная, хотя может и иметь некоторые переводные соответствия; в рамках второго аспекта исследуется наличие национально-специфических компонентов в структуре значений лексических соответствий. Эти несовпадающие компоненты значений выявляются при анализе векторных соответствий, при словарном рассмотрении единицы [Шамне 1999: 173].

За разные виды национальной специфики семантики, как утверждает И. А. Стернин, отвечают

разные макрокомпоненты значения. Национально-культурная специфика, обнаруживаясь в случаях полной (мотивированной) безэквивалентности или отсутствия / наличия определенных компонентов значения, обусловленном отсутствием / наличием соответствующих признаков в называемых словом объектах материальной и духовной культуры, сосредоточена в денотативном и эмпирическом компонентах значения; *национально-концептуальная* специфика, выявляемая в случае немотивированных лакун и межъязыковых родовидовых несовпадений, сосредоточена в денотативном компоненте; *национально-оценочная* и *национально-эмоциональная* – в коннотативном; *национально-языковая* специфика, отражающая различия между единицами двух языков, связанные с исторически сложившейся системой языков и не связанные с культурой или особенностями мышления народа, представлена в структурном макрокомпоненте значения [Стернин 1987: 116-120].

А. Гудавичюс обнаруживает в лексической семантике поверхностный и глубинный уровни отражения культуры [Гудавичюс 1993: 17]. Поверхностным уровнем отражения культуры исследователь называет такой, «...когда особенности культуры народа находят непосредственное выражение в особых единицах лексического уровня языка (безэквива-

лентная лексика) или в характере этих единиц (словообразовательная мотивированность, метафоризация). К этому же уровню отражения относится и стилистическая дифференциация лексики...» [Там же: 18]. Глубинный же уровень кроется в природе самого значения как «сокращенного» понятия, сигнализирующего об объектах действительности (или концептах) при вторичной референции в актах речи [Гудавичюс 1993: 18].

Д. О. Добровольский разграничивает два взгляда на национально-культурную специфику языковых явлений, утверждая, что, согласно первому взгляду, национально-культурный компонент усматривается только в значении так называемых слов-реалий типа *самовар*, а второй взгляд восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и воплощении в языке «духа народа» [Добровольский 1997: 39]. Первый подход исследователь называет сравнительным. Важно оговорить, что культурно значимыми оказываются не все межъязыковые различия, а лишь те из них, которые являются неслучайными и имеют культурно обусловленные причины и/или культурно значимые следствия. Второй подход признается интроспективным, так как все специфическое в данном языке исследуется вне сопоставления с другими языками [Там же: 40]. В данном случае речь

идет о представлениях носителей языка, о национальной маркированности тех или иных единиц своего языка вне сопоставления с другими языками [Добровольский 1997: 48].

С этой точки зрения национальной спецификой обладают, прежде всего, эмотивная лексика. Лексические единицы, обозначающие гнев, ярость, злость – взятые сами по себе и как компоненты устойчивых выражений – широко представлены во всех языках мира и относятся к одним из самых древнейших и распространённых. Это особый микромир языка, раскрывающий характерные особенности отражения картины мира народа.

Общая направленность современной научной парадигмы характеризуется возрастанием роли антропоцентрического и когнитивного подходов к изучению языка как источника сведений о концептуальных структурах человеческого сознания. Анализ эмоциональных концептов с точки зрения когнитивной лингвистики имеет целью показать, что эмоции имеют чрезвычайно сложную концептуальную структуру, которая может быть выявлена путем систематизации языковых выражений, используемых носителями языка для обозначения и представления эмоций. Лингвистические исследования, проводимые в русле антропоцентрического подхода, выявили различие двух

сфер по отношению к человеку – внешней, материальной, и внутренней, закрытой от наблюдения, вследствие чего в центре внимания оказались различные концептосоставляющие признаки «внешнего» и «внутреннего» человека [Мечковская 2004: 31].

Внутренний мир человека представляет собой совокупность ментальных феноменов – эмоций, чувств, мыслей, внутренних состояний, недоступных восприятию. Двойственность ментальных состояний – их непосредственная ненаблюдаемость, с одной стороны, и наблюдаемость по косвенным признакам, с другой, предопределяет такие способы концептуализации внутренней сферы человека, которые разграничивают онтологическую ненаблюдаемость внутренней сферы и эпистемическую форму ее представления [Стефанский 2009: 15-17]. В языковой картине мира внутренние состояния (страх, печаль, радость и т. д.) могут быть представлены двояко – как чувство, переживание и как умозаключение о том, что индивид испытывает определенное чувство.

Человеческие эмоции всегда находились в центре пристального внимания со стороны представителей российской и зарубежной психологии, физиологии, философии. В лингвистике проблематика данной научной области разрабатывалась в трудах таких ученых, как Ш. Балли, Як. Ван Гиннекен, М. Бреаль.

С изменением парадигмы гуманитарного знания в сторону антропоцентризма изучение эмоций занимает одно из ключевых мест в современном языкознании. Данные, полученные в области психологии, физиологии, помогают в разработке лингвистических проблем эмоций. И психологи, и лингвисты имеют один общий объект исследования: эмоции и чувства, но подходы к их изучению различаются. Суть лингвистического подхода к изучению эмоций В. И. Шаховский сформулировал следующим образом: «Фиксирование эмоциональных процессов проходит посредством психического механизма их отображения в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных отношений. Отображение видового опыта эмоционального состояния локализуется в смысловой структуре соответствующих слов – образов тех объектов, с которыми они соотносятся. Это отображение кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые и формируют эмотивность слова. Так эмоции «проникают» в слова, закрепляются в них, «хранятся» в них и при необходимости манифестируются, выражаются и опознаются с помощью этих слов» [Шаховский 2008: 5].

Ученый отмечает, что эмоциональные переживания, репрезентированные в языке, понятны для всех носителей данного языка, так как «все эмоции

данной общности социологизированы и психологизированы, т. е. обобщены видовым национальным опытом данного народа [Шаховский 2008: 6-7].

Эмоциональная система является одной из самых сложных систем человека. Известный психолог К. Изард, говоря о сложности рассматриваемого явления, дает следующее объяснение: первая проблема заключается в том, что эмоций много, и каждая из них проявляется по-своему, а, кроме того, эмоции – чрезвычайно сложный феномен, который активизирует нейронные, когнитивные и моторные процессы. Так, К. Изард предлагает следующее определение: «Эмоции – это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действие» [Изард 1999: 27]. Ученый выделяет 10 базовых эмоций: интерес-волнение, радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. В то же время, согласно теории Джонсона-Лэрди / Оутли, в качестве основных эмоций называются лишь отвращение, гнев, печаль, страх, счастье. Таким образом, вопрос о количестве эмоций, их классификации остается открытым.

Традиционно эмоции связываются с удовлетворением физиологических потребностей, в то время как чувства – с интеллектом человека. Отсутствие однозначного решения проблемы разграничения

эмоций и чувств затрудняет создание единой классификации эмоций и чувств, но при этом дает возможность лингвистам рассматривать их в широком смысле в качестве формы оценивания человеком предметов и явлений окружающего мира, их личностной значимости для него [Булгарова 2008: 66-68]. Эмоции составляют значительный фрагмент картины мира, многими учеными подчеркивается необходимость изучения языковых репрезентаций эмоций. В языке эмоции представлены необычайно богато своими наименованиями, характеристиками и оттенками.

ГЛАВА 2. НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная работа посвящена выявлению национально-культурной специфики эмоциональной лексики в русском и таджикском языках.

Далее более подробно рассмотрим примеры вербализации негативных эмоций, чувств, душевных состояний человека посредством соматической лексики. При этом мы, вслед за В. И. Шаховским, признаем, что в языке происходит лишь приблизительная вербализация переживаемых эмоций, поскольку язык в значительной степени отстает в адекватности их оформления: «языковое одеяло» никогда не может покрыть все «эмоциональное тело» человека: оно уже, с дырками, беднее, примитивнее [Шаховский 2008: 13]. В процессе коммуникации с помощью невербальных средств передается значительное количество сведений о мире. Как отмечает большинство исследователей (И. А. Стернин, Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова и др.), человек, в силу своих когнитивных особенностей, более склонен доверять интерпретации, основывающейся на невербальных сигналах, так как они в наименьшей степени подвержены

сознательному контролю со стороны коммуниканта, а в ряде случаев и вообще не поддаются какому-либо контролю [Гришаева, Цурикова 2004: 26].

Корпус исследуемого материала в русском и таджикском языках составил примерно одинаковое количество соматизмов: 80 в таджикском и 83 в русском, что может свидетельствовать об одинаковой релевантности вербализации эмоции в обеих языковых картинах мира. Интересным представляется следующее наблюдение: количество репрезентаций негативных, астенических эмоций значительно превышает количество репрезентаций положительных, стенических эмоций, и данное утверждение справедливо и для русской, и для таджикской языковых картин мира. Так, в таджикском языке это 64% от общего числа проанализированных репрезентаций, в русском языке – 72%. В. И. Шаховский отмечает, что в «лексиконе всех эмоций отмечается дихотомия по типу оценочного знака» [Шаховский 2008: 19]. Ученый подчеркивает, что эмотивов с отрицательной оценочной семантикой во многих языках в количественном отношении больше, чем эмотивов с положительной оценкой, однако при общении они употребляются намного реже, чем положительно оценочные эмотивные знаки. Данное утверждение оказывается справедливым и для таджикской, и для рус-

ской языковых картин мира: в эмоциональных системах данных народов превалирует негативность. С другой стороны, исходным моментом для различных языковых культур является то, что положительные эмоции выражаются всеми народами более односторонне и диффузно, чем отрицательные, которые всегда конкретны, отчетливы и многообразны.

Кроме того, общий спектр негативных эмоций и душевных состояний человека, вербализованных в русском языке и репрезентированных соматическими сочетаниями, значительно богаче, чем в таджикском языке. Можно отметить достаточно низкий уровень коммуникативной сдержанности русских, а также стремление к выражению негативных эмоций, переживаний [Прохоров, Стернин 2007: 181-190].

Что касается таджикской языковой картины мира, то склонность таджиков к преувеличению всего негативного отмечается многими исследователями.

Количество соматической лексики, передающей состояния раздражения / гнева / ярости / злости в таджикском и русском языках, составляет 20% и 17% соответственно от общего числа проанализированных соматизмов, репрезентирующих эмоции и чувства. Гнев трактуется как чувство, аффект, характеризующееся стремлением сломить препятствие, которое понимается как испытываемая несправедли-

вость. По шкале интенсивности менее интенсивным проявлением данной эмоции будет являться раздражение, наиболее интенсивным – ярость.

В таджикском языке репрезентантами данной эмоции являются такие соматизмы как *чаим* – *глаз*, *асаб* – *нерв*, *хун* – *кровь*, *даст* – *рука*, *талха* – *желчь*, *чигар* – *печень*, *гурда* – *почки*.

В таджикской языковой картине мира четко определено место локализации гнева – *Вай аз шиддати газаб ихтиер аз даст дод* (быть вне себя от ярости). В рамках данной группы можно выделить соматизмы, характеризующие: – состояние субъекта: *бадан вачаррос мезанад* (тело дрожит от ярости или гнева). Данная эмоция может также сопровождаться разными формами физиологической экстериоризации: изменение цвета лица, тремор и т. д.: *ба руяш чанги лахад залааст* (бледный как смерть); *хун аз рух гурехтан* (бледнеть): *Зард аз он гардад марди салим*, *К-аз рухи у хун бигурезад зи бим* (Хусрави Дехлави, Газал). Попытки сдержать гнев также имеют внешнее проявление: *лаб газидан* (кусать губы).

Следует отметить, что хотя гнев является эмоцией краткосрочной, т. е. проявления данного эмоционального состояния охватывают небольшой временной промежуток («вспышка гнева»), но действия по отношению к субъекту могут продолжаться доста-

точно длительный срок и в итоге стать причиной данного состояния.

Что касается русской языковой картины мира, то репрезентантами гнева являются, так же как и в таджикском языке, *кровь, глаз, сердце, желчь*, но в отличие от таджикского, в русском языке *печень*, а не *почка* обладает символическим значением «гнев».

В данной группе также можно выделить соматизмы, характеризующие:

– состояние субъекта, и в данном случае русская языковая картина обнаруживает сходные черты с таджикской языковой картиной мира. В русском языке зафиксировано как внутреннее состояние субъекта (*сердце горит, кровь бросилась в голову*), так и внешнее проявление данной эмоции (*сверкать глазами*): *Эва-а-а!* – удивленно и даже как бы обрадованно, что подозрения ее оказались не пустыми, протянула Семенова и вдруг подскочила на своих больных ногах, сдавленно, зайдясь от бешенства, вскрикнула и долго не в состоянии была выговорить ни слова, только трясла головой (В. Распутин, Живи и помни);

– действия по отношению к объекту гнева в большей части пассивные (*держаться за сердце, срывать сердце*): *Старуха тебя, конечно, не пожалеет, у ей сейчас все косточки против тебя бренчат* (В. Распутин, Живи и помни), объект, вызвавший

гнев, воспринимается как помеха, препятствие (*сидит в печенках, стоять / становится поперек горла, стоять комом (колом, костью) в горле*). Так же как и таджикском языке, в русском зафиксировано желание причинить физический вред объекту гнева (*перегрызть горло*), что может служить признаком высокой степени интенсивности данной эмоции;

– действия по отношению к субъекту, которые можно расценивать в итоге как причину гнева: *портить кровь, действовать на нервы*.

Кроме того, в русской языковой картине мира нашли свое отражение действия субъекта по отношению к самому себе, что не является типичным для таджикской языковой картины: *портить себе кровь*. Представляется, что гнев воспринимается как эмоция, состояние, которое действует разрушительно, прежде всего, на человека, который эту эмоцию испытывает.

Символическим значением «гнев, злость» в русском языке, так же как и в таджикском обладает *желчь*, о чем свидетельствуют примеры из художественной литературы и СМИ: *В другое время и в другом месте этот результат, безусловно – сенсационный, не вызвал бы столько желчи* (Д. Навоша. Не ту страну назвали Гондурасом. Полуфиналы Кубка

Америки впервые пройдут без Бразилии и Аргентины (2001) [Известия 2001, 07: 24].

Как показывают вышеприведенные примеры, состояние гнева, ярости ассоциируются с горьким вкусом (вкус желчи), в основе многих соматических сочетаний лежит метафора жары.

Довольно значимой является группа соматизмов, репрезентирующих такие эмоции, как печаль, уныние, горе, отчаяние, грусть, тоска: 19% в таджикском языке и 20% в русском языке.

Эмоциями низкой степени интенсивности будут являться грусть, печаль, высокой степенью интенсивности отличаются тоска, горе, отчаяние, уныние. В наивной картине мира *печаль* воспринимается как нерадостное, невеселое настроение, *уныние* – это безнадежная печаль, *грусть* – чувство легкого уныния, печали (книж. поэт), *тоска* – сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой, *горе* – беда, несчастье, тоска, печаль. Следствием состояния печали, уныния может стать *отчаяние* – состояние крайней безнадежности, упадка духа из-за горя, неприятности. Можно отметить еще ряд отличий: *грусть* – более интимное, личностное чувство, которое, как правило, возникает спонтанно, *печаль* – это чувство коллективное, не зависящее от настроения отдельной личности, обычно вызванное

смертью близкого человека или разлукой с ним [Стефанский 2009: 23].

Когда человек находится в состоянии печали, когда его постигает горе, то естественной реакцией организма являются слезы: *чаимон пур аз ашк* (глаза полные слез). Высокая степень интенсивности данного состояния репрезентируется посредством метафорической модели дисфункция органов: *дилро вахм зер кард*; *дил аз хонааш баромад* (сердце оборвалось); *дил сухт, чигар кабоб шуб* (сердце переболело); *дил реш-реш мешавад, дил об мешавад* (сердце рывается). Высокая степень интенсивности отчаяния выражается в желании причинения себе физической боли: *муи худро кандан, муйканону, руйканон шудан* (рвать на себе волосы).

Русская языковая картина мира обнаруживает большое сходство с таджикской. В основе русских и таджикских соматизмов, репрезентирующих горе, печаль, лежат одинаковые образы: *глаза на мокром месте, глаза не осушаются, не осушать глаз, выплакать все глаза*. Метафорическая модель «дисфункция органов» указывает на высокую степень интенсивности данного состояния (*сердце кровью обливается, камень на сердце (душе), сердце перевертывается, свет померк в глазах*): *И вдруг невесть с чего, с какой-то невольной и неясной обиды, такой она почув-*

стновала себя одинокой, такой окаянно-несчастной, понапрасну загубленной, обманутой и чужой, что горло тут же забил душливый комок и захотелось плакать – горько, опустошительно, навзрыд (В. Распутин, Живи и помни). Высокая степень интенсивности отчаяния выражается в желании причинения себе физической боли: *рвать на себе волосы, хоть головой об стену бейся*.

Уныние в обеих языковых картинах мира репрезентируется через пространственную метафору: *даст афшондан, аз бахри кассе, чизе гузаитан* (махнуть рукой на кого-что-л.); в русском языке: *опускать руки, складывать руки, руки опускаются (отнимаются), вешать нос*.

Значительную группу составляют и соматизмы, репрезентирующие страх в таджикском и русском языках (16% и 8% соответственно). Страх является естественным, неотъемлемым чувством человека, он заложен в нем генетически в виде инстинкта самосохранения. Страх – одно из самых древних и самых сильных чувств [Рябцева 2005: 246]. Обращает на себя внимание количественная асимметрия. Ученые отмечают, что концепт тарс, вахм / страх является центральным концептом таджикской культуры, в русском же языковом сознании страх не является «популярной» эмоцией. В таджикском языке репре-

зентами данной эмоции являются такие соматизмы, как *чигар – печень, талха – желчь, дил – сердце, гурда – почки*. В репрезентации данной эмоции в таджикском языке основную роль играют следующие метафорические модели: – холод: *у аз тарс ба ларза афтод (от страха у него холод пробежал); талхаи кафид (желчь оборвалась); бадан вачаррос мезанад; касс ба ларза меафтад (мороз по коже дерет)*; – физическая дисфункция, т. е. концептуализация психического состояния через симптомы, которые «приписываются этому состоянию в обыденном сознании носителя данного языка» [Баранов, Добровольский 2008: 135], а именно: нарушение физиологически важных функций организма – остановка сердца: *дилаш аз тапиш монд (у него сердце замерло)*, интенсивная реакция организма: *хун ба сар зад (кровь ударила в голову)*.

В русском языке репрезентами данной эмоции являются такие соматизмы, как *волосы, зуб, нога, кожа*. В русской языковой картине мира также представлены такие метафорические модели, как:

– холод (*мороз по коже (спине) дерет, мурашки бегут по коже, кровь стынет, мурашки бегут по телу (спине, коже)*): *У меня зуб на зуб не попадал от страха, а Вова вошел в роль, схватил меня за загривок (Сати Спивакова, Не все)*;

– дисфункция органов (*волосы становятся дыбом; волосы шевелятся на голове*): *От ужаса ее продрал мороз, ноги обмякли и не слушались* (В. Распутин, Живи и помни).

Все выделенные выше метафорические модели представлены в обеих языковых картинах мира, что может свидетельствовать об их универсальности, так как они обусловлены тесной связью с физиологией [Баранов, Добровольский 2008: 138]. Соматизмы, обозначающие страх как в русском, так и в таджикском языках, выражают, как правило, очень сильное интенсивное чувство, можно предположить, что для выражения неинтенсивных, слабых эмоций используются другие средства языка. В русском языке находит также свое отражение представление о безрассудстве, бесшабашности, даже при наличии угрозы человек не хочет ее замечать (*в ус не дуть* (устра.), и *носом (глазом, ухом) не ведет*), а также недооценивает ситуацию и обстоятельство (*море по колено*).

Стыд, смущение репрезентированы в 5% таджикских соматизмов и в 2% русских. Следует отметить, что во многих исследованиях отмечается количественное превосходство номинаций эмоции *стыда* по сравнению с другими языками. Можно предположить, соматическая лексика играет незначительную

роль в репрезентации данной эмоции, для этой цели используются другие средства.

В таджикском языке данное состояние реализуется в сочетаниях с соматизмами *хун* – *кровь*, а в художественной литературе также с помощью слова *арак* – *пот*: *ба руй хун давид* (кровь бросилась в лицо); *дар руйи араки хунук баромад* (на его лице выступил холодный пот); *Сози арак ба доман аз он чехра пок, хайф, 3-он раишхан хаёт, ки домон фуру хурад* (Чоми, Газал, 90). Сочетание *араки инфиол доштан* (шарм доштан) переводится как стесняться: *То чехраи ту дар араки шарм гута зад, Хар орзу, ки дар дили манн буд, об шуд* (Соиб, Газал).

В русском языке стыд смущение вербализуется в соматических сочетаниях с компонентами *глаз*, *кровь*: *не знать, куда глаза девать, кровь бросилась в лицо*.

Как показывают вышеприведенные примеры, как в таджикском, так и в русском языках соматизмы, репрезентирующие стыд, смущение, наиболее продуктивным является образ покрасневшего лица.

Незначительное количество соматизмов репрезентирует *презрение* / *отвращение* (2% в русском и таджикском языках). Репрезентантом в таджикском языке является соматизм *ру/руй* (лицо), в русском – *нос*, которые вербализуют внешнее проявление дан-

ной эмоции: *ру гардондан; руй тофтан* (воротить нос (рыло, морду)). Кроме того данное состояние в русском языке может быть репрезентировано через метафору «дисфункция органов»: *Вспоминается, как Хрущев на встрече с творческой интеллигенцией сказал, что у него колики в животе от музыки Ойстраха, а сумасшедшего Неизвестного надо спрятать в психушку* [АиФ, № 18, 2007].

В русском языке соматическое сочетание *плевать в лицо (глаза)* также репрезентирует данную эмоцию, образ, лежащий в основе данного фразеологизма, не является типичным для таджикского языка.

В основе таджикских сочетаний с компонентом *дандон – зуб*, репрезентирующих *отвращение*, также лежит образ, отсутствующий в русском языке: а) *дандон доштан – хашму газаб ва кина доштан* (иметь ярость, ненависть): *Пеш аз ин гар чарх дандон дошт дар кори кассе, Зад гирех, инак ба ахдат хам ба дандон кард боз* (Хисрави Дехлави, Девон); б) *ба коре чидду чахд кардан, дандон задан, хусумат кардан, душмани кардан* (причинять вред, враждебно относиться): *Сабо гард аз чабини чон зидууда, Ситора субхро дандон намуда* (Низоми, Газал).

Таким образом, проанализировав соматическую лексику русского и таджикского языков, репрезентирующих эмоциональную сферу, а именно негативные

эмоции, можно констатировать, что, с одной стороны, сравниваемые языковые картины мира демонстрируют большое сходство, так как эмоции гнева, страха, отвращения, тоски, печали являются психологической универсалией, с другой стороны, в языке, в частности в соматизмах, находит свое отражение национальная специфика вербализации данных состояний.

Даже этот небольшой материал показывает, что при исследовании лексических единиц, обозначающих эмоции в сопоставляемых языках, необходимо в равной мере стремиться к обнаружению общих и специфических черт эмоциональных лексем и к вскрытию той предположительно единой наивной модели мира, которая лежит в основе всех эмоциональных единиц и мотивирует выбор слов для описания той или иной конкретной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках антропоцентрической лингвистики вербализация эмоций вызывает большой интерес. В работе было проведено исследование способов репрезентации негативных эмоций с помощью соматической лексики в русской и таджикской языковых картинах мира. Посредством соматической лексики в языке репрезентируются не только внешние проявления эмоций, но и внутреннее состояние человека. При этом общий спектр негативных эмоций и душевных состояний человека достаточно богат и отмечен национальной спецификой. Выявляются общие черты и национально специфические особенности семантики данных языковых единиц в двух языках.

В ходе исследования было также выявлено, все значения многозначных слов обусловлены контекстом, но это не значит, что такая обусловленность существенна для них в одинаковой степени. Традиционное деление слов на первичные (основные, главные) и вторичные (переносные), правильно отражает неравноправное положение этих значений в семантической системе. Самое важное – главное значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим эле-

ментам главного значения прибавляет еще и элементы контекста.

В таком определении в общих чертах намечены пути для разрешения вопроса о «иерархии значений». В главном значении слова, конечно, следует видеть не такое-то общее значение, но такое значение, которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически.

На основе лингво-когнитивного анализа материала можно сделать вывод, что для обозначения одного и того же количества понятий таджикский язык использует меньше слов, чем русский.

Вместе с тем, однако, наши наблюдения показывают, что абстрактность таджикского слова относительна. Под абстрактным и конкретным в своем исследовании мы подразумеваем широкое и узкое значение слова.

Широту семантики слова, на наш взгляд, не следует смешивать с многозначностью. Склонность к смешению этих двух явлений происходит от того, что и слово с недифференцированным значением, и слово многозначное переводится на другой язык разными словами в зависимости от контекста. Но не всегда различные варианты перевода свидетельствуют о многозначности переводимого слова. Многозначное слово, как известно, обозначает два или несколько различных

понятий. Что касается слова с недифференцированным значением, то оно обозначает одно понятие, но настолько широкое, что охватывает ряд понятий, обозначаемых в другом языке разными словами.

Отмечая относительную абстрактность таджикского и персидского языков следует заметить, что в таджикском языке существуют целые лексические группы – например, наименования частей тела, где данный язык систематически прибегает к словам более узкого значения, чем русский. Далее, абстрактность, недифференцированность знака относится скорее не к языку как таковому, а к речи. Мы отмечаем, что в случае необходимости обозначить конкретный элемент объективной реальности таджикский язык находит достаточно точные и конкретизирующие средства. Но если ситуация или контекст ясно определяют этот элемент, то используются уже более отвлеченные, широкие по значению средства выражения. Русский же язык использует и в этом случае конкретные, точные слова. Таким образом, абстрактность таджикского языка предстает не столько как особенность его лексики, сколько как закономерность построения высказывания на этом языке.

В сопоставляемых языках проявляются различные типы зависимости выбора слова от контекста. Русскому языку свойственна тенденция к семантиче-

скому согласованию при обозначении денотатов различных, но связанных устойчивыми отношениями, и к лексической идентичности при обозначении одних и тех же денотатов в контексте. Таджикской и персидской речи, напротив, свойственны соответственно несогласование и тенденция к варьированию. Вследствие этого зависимость слова на лексическом уровне от контекста сильнее проявляется в таджикском и персидском языках, а на семантическом – в русском.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баранов, А. Н. Аспекты фразеологии / А. Н. Баранов. – М. : Знак, 2008. – Текст : непосредственный.

Булгарова, Б. А. Трудности, возникающие при исследовании эмотивной лексики русского языка / В. А. Булгарова. – Текст : непосредственный // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом, культурологическом аспектах : сб. участников IV междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2008 г. Челябинск. – Челябинск : Издательство «РЕКПОЛ», 2008. – Т. 3. – С. 66-68.

Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие / Л. И. Гришаева. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2004. – Текст : непосредственный.

Гудавичюс, А. Глубинный уровень отражения культуры в лексической семантике / А. Гудавичюс. – Текст : непосредственный // Исследования по семантике. – Уфа, 1993. – С. 16-23.

Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37-48.

Изард, К. И. Психология эмоций / К. И. Изард. – СПб. : Изд-во «Питер», 1999. – Текст : непосредственный.

Мечковская, Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура / Н. Б. Мечковская. – М. : Академия, 2004. – Текст : непосредственный.

Прохоров, Ю. Е. Русские: Коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта ; Наука, 2007. – Текст : непосредственный.

Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – Текст : непосредственный.

Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы, теории и методики исследования / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2004. – Текст : непосредственный.

Стефанский, Е. Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Стефанский Е. Е. – Волгоград, 2009. – Текст : непосредственный.

Шамне, Л. Н. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : учеб. пособие / Л. Н. Шамне. – Волгоград : Изд-во Волг. ун-та, 1999. – Текст : непосредственный.

Шаховский, В. И Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – Текст : непосредственный.

Список источников примеров

Распутин, В. Живи и помни / В. Распутин. – М. : Эксмо, 2006. – Текст : непосредственный.

Руми, Ч. Газалиёт / Ч. Руми. – Душанбе : Ирфон, 1986. – 311 с. – Текст : непосредственный.

Самадов, А. Сипох / А. Самадов. – Душанбе : Адиб, 1982. – 367 с. – Текст : непосредственный.

Табрези. Мехр ва муштари / Табрези. – Душанбе : Адиб, 1974. – 401 с. – Текст : непосредственный.

Турсун, С. Қиссаи марди гахворасоз / С. Турсун. – Душанбе : Маориф, 1982. – 443 с. – Текст : непосредственный.

Фарханги забони тоҷики : в 2 т. – М. : Совет. энцикл, 1969. – Текст : непосредственный.

Фарханги мухтасари «Шохнома». – Душанбе : Адиб, 1988. – 211 с.

Фарханги тоҷики ба руси (зери таҳрири С. Д. Холматова, С. Солехов, С. Каримов). – Душанбе : Дониш, 2004. – 814 с. – Текст : непосредственный.

Халимов, С. С. Айни ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик / С. Халимов. – Душан-

бе : Ирфон, 1974. – 231 с. – Текст : непосредственный.

Шохахмад, А. Фарханги ашъори Камоли Хучанди / А. Шохахмад. – Душанбе : Маориф, 1996. – 368 с. – Текст : непосредственный.

Шукуров, М. Хар сухан чоеву хар нукта маъоме дорад / М. Шукуров. – Душанбе : Ирфон, 1985. – 187 с. – Текст : непосредственный.

Хироти. Осори Мунтахаб / Хироти. – Душанбе : Адиб, 1996. – 420 с. – Текст : непосредственный.

Чоми, А. Силсилат-уз-захаб / А. Чоми. – Душанбе : Адиб, 1974. – 521 с. – Текст : непосредственный.

Шерози, С. Бўстон / С. Шерози. – Душанбе : Адиб, 1984. – 338 с. – Текст : непосредственный.

СМИ

Аргументы и факты. – 2007. № 18.

Известия. – 2001. 07.24.

Научное издание

Тиллоева Саодат Махмадкуловна

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В АСПЕКТЕ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
СПЕЦИФИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
РУССКОГО И ПЕРСИДСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

Уральский государственный педагогический университет.
620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.me